

УДК 811.161.1'373.46

И. В. Острецова

Днепропетровская национальная металлургическая академия Украины

ВОЗМОЖНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО И КОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В СПЕЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Розглянуто та критично проаналізовано сучасні наукові підходи до дослідження описових предикатів (ОП). Обґрунтовано можливість реалізації когнітивного підходу до вивчення ОП під час аналізу семантики ОП з точки зору пропозиційного формату знань і під час інтерпретації описових предикатів як концептуальних гібридів.

Ключові слова: описовий предикат, функціонально-комунікативний підхід, когнітивний (когнітивно-дискурсивний) підхід, пропозиційна структура, гібридна сутність девербативів.

Рассмотрены и критически проанализированы современные научные подходы к исследованию описательных предикатов (ОП). Обоснована возможность реализации когнитивного подхода к изучению ОП в ходе анализа семантики ОП под углом пропозиционального формата знаний и при интерпретации описательных предикатов как концептуальных гибридов.

Ключевые слова: описательный предикат, функционально-коммуникативный подход, когнитивный (когнитивно-дискурсивный) подход, пропозициональная структура, гибридная природа девербативов.

Modern scientific approaches to research of descriptive predicates (DP) are considered and critically analyzed. Realisation possibility of the cognitive approach to studying during the analysis of DP semantic in line with the propositional format of knowledge and at interpretation of DP as conceptual hybrids is proved.

Keywords: descriptive predicates, the functional-communicative approach, the cognitive (cognitive-discursive) approach, propositional structure, hybrid nature of nominal components.

Глагольные описательные единицы с общим значением процессуальности относятся в русском языке к области «нечетких структур» и переходных явлений, анализ которых принадлежит к наиболее перспективным направлениям современного языкознания [8, с. 2]. Повышенное внимание ученых к подобным структурам обусловлено их семантической усложненностью, разнообразием выполняемых в языке функций и сравнительно высокой частотностью употребления в разных функциональных разновидностях русского и других языков. Несмотря на то, что описательные глагольные обороты являются традиционным объектом лингвистики, в последнее время интерес к ним возрождается благодаря появлению новых объектов исследования, новых подходов к изучению языка и речи, новых целей и аспектов лингвистических исследований.

В связи с отмеченным в настоящей статье предпринимается попытка на основе критического осмысления имеющихся научных разработок осветить возможности современных научных подходов, в частности функционально-коммуникативного и когнитивного, к изучению подобных языковых структур. Исследование выполнялось на материале специальных текстов производственно-технического (металлургия), естественнонаучного (медицина) и гуманитарного (право) профилей.

Отметим прежде всего, что до недавнего времени к разряду глагольных описательных выражений традиционно относились глагольно-именные словосочетания непредикативного характера, соотносимые с однословными коррелятами (типа *осуществлять прокатку* = *прокатывать*, *производить зондирование* = *зондировать*, *проводить досмотр (груза)* = *досматривать (груз)*), которые именовались в лингвистической литературе по-разному: лексикализованные сочетания (С. И. Ожегов),

глагольно-именные фразеологические обороты (В. А. Козьменко), глагольно-именные сочетания (В. М. Дерibas, Е. М. Вольф, Э. И. Ефремова, В. В. Розанова), описательные глагольно-именные обороты (П. А. Лекант, Е. Н. Лагузова, Л. Н. Касьянова), глагольно-описательные выражения (А. П. Мордвилко) и т. д. (см. об этом: [21]). Со временем ученые пришли к выводу о том, что подобные единицы не исчерпывают всего состава описательных выражений, поскольку многие из последних имеют структурную модель предложения, например: *идет ремонт, проходит рекристаллизация, происходит внесение (налога), происходит изменение (функций почек)* и т. д. С учетом последнего описательные выражения получили название **описательных предикатов**. Современный этап изучения описательных предикатов связан с работами М. В. Всеволодовой [4; 5], Р. Канзы [11] и их последователей. В частности, в исследовании Р. Канзы последовательно проводится разграничение ОП по структурному принципу: **ОП-1**, строящиеся по образцу непредикативной конструкции-словосочетания: *производить посадку, подвергать тело давлению* (примеры наши. – И. О.), и **ОП-2**, строящиеся по образцу предикативной конструкции: *происходит излучение, распад, рассеяние*.

Как мы уже отметили, современный этап изучения описательных предикатов требует применения новых данных и новых методов исследования, к которым в первую очередь относятся функционально-коммуникативный и когнитивный, а точнее – когнитивно-дискурсивный. Перейдем к освещению возможностей заявленных подходов.

Обоснованием функционально-коммуникативного подхода к языковым явлениям стали теория коммуникативной грамматики, разрабатываемая в русистике Г. А. Золотовой и ее синтаксической школой, и теория функционально-коммуникативного синтаксиса, основоположником которой является М. В. Всеволодова и ее ученики. Обращение к ним помогает понять цели, мотивы и задачи, определяющие употребление языковых единиц, и в частности ОП, в коммуникативных актах, изучить соответствующие когнитивные структуры.

В рамках школ коммуникативной грамматики получил свое продолжение принцип разграничения «логического и грамматического» в предложении. Мотив такого разграничения не раз выдвигался в истории лингвистической мысли [1, с. 126; 25 и др.]. Наиболее точно этот принцип представлен в работах Т. П. Ломтева, который четко разграничивал «грамматическое и логическое» в предложении и считал, что «граница между грамматическим и логическим проходит по линии неодинакового количества членов предложения и членов выражаемого им суждения» [17, с. 9]. По Т. П. Ломтеву, компонентами означаемого предложения являются:

а) события, ситуация или просто явления объективной действительности, которые являются денотатами предложения;

б) информация о событиях, ситуациях или явлениях объективной действительности, которая представляет собой интеллектуальное отражение денотата предложения.

Согласно Т. П. Ломтеву, предикат – это «способ задать некоторое информационное содержание». Информация может быть представлена говорящим (пишущим) различными способами (в том числе – при помощи описательных и однословных предикатов). В работе «Предложение и его грамматические категории» ученый пишет: «Одно объективное событие может отображаться в двух разных предикатах, которые представляют собой его разные интеллектуальные модели» [17, с. 36; см. также: 18, с. 203]. Одно и то же событие (один и тот же денотат) может моделироваться в разных формах, ср.: *Студенты помогли строителям* и *Студенты оказали помощь строителям*.

Таким образом, в общей семантике представления исходного события, ситуации, явления объективной действительности имеются различия, заключающиеся в

разных способах мыслить события, ситуации, явления. Рассуждая о различных способах представления информации, Т. П. Ломтев писал, что «из двух предложений, обозначающих один денотат, но различающихся по числу мест в предикате, большими выразительными возможностями относительно денотата обладает то, которое в составе предиката имеет больше мест» [17, с. 36], отмечая, вслед за Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней, что у конструкций с описательными предикатами богаче синтаксический потенциал.

Дополнительным инструментом в изучении синтаксической системы языка и, в частности, явления ОП, послужило применение к предложению парадигматического анализа. Сквозь призму парадигматики более стройно видится системность языка, и сегодня, как пишет Т. В. Шмелёва, «парадигма завоевала все языковые уровни» [29, с. 47]. За этим стоит стремление лингвистов к выравниванию понятийного аппарата и фундаментальное свойство языковой системы – изоморфизм уровней языка.

Концепция коммуникативной парадигмы разрабатывается М. В. Всеволодовой и её учениками. Так, в монографии М. В. Всеволодовой и О. Ю. Дементьевой [6] даётся изложение основных концепций парадигмы в синтаксисе, анализируются идеи, развивающие теорию синтаксической парадигмы и даётся определение коммуникативной парадигмы, которая понимается как «совокупность объединённых общностью отражаемой ситуации предложений, каждое из которых служит решению определённой коммуникативной задачи». Авторы отмечают, что «коммуникативная парадигма представляет собой совокупность определённым образом упорядоченных способов номинации отражаемого события» [6]. В коммуникативную парадигму, согласно ученым, входят, в частности, предложения, построенные по модели N – V – N с типовым значением «субъект и его действие» и «субъект и его состояние», в которых действие или состояние представлено ОП. В таких предложениях выявляется смысловое отношение между именами субъекта и действия и вводится показатель смыслового отношения – глагол-экспликатор. Предложения с ОП и предложения с однословным предикатом включены в коммуникативную парадигму на том основании, что «представляют собой совокупность определённым образом упорядоченных способов номинации отражаемого события» [6, с. 57].

Данная концепция коммуникативной парадигмы позволяет рассматривать на единых основаниях как предложения, различающиеся порядком слов и интонацией, так и предложения, различающиеся по синтаксической модели, по линии соотношения компонентов денотативной и семантической структуры, по линии представления компонентов денотативной структуры разными частями речи и членами предложения.

Подход к изучению описательных предикатов, обозначенный нами как функционально-коммуникативный, тесно смыкается с когнитивным и, по сути дела, может быть интерпретирован как одна из возможностей осмысления языковых явлений в рамках когнитивной парадигмы.

Когнитивная лингвистика (или когнитивная семантика) в наши дни прочно завоевала позиции в современном языкознании, став одной из наиболее актуальных научных парадигм, методы которой успешно применяются к изучению единиц различных языковых уровней. Когнитивная семантика рассматривает влияние когнитивных (познавательных) способностей человека на языковое значение. В центре внимания ученых оказался комплекс вопросов, касающихся компонентов языковой действительности, к которым отнесены категории мышления, фонд общих знаний и представлений о мире, «житейская логика», психологические механизмы.

Лингвистический анализ множества форм выражения того или иного понятия позволяет вычленить то обобщенное содержание, которое дает возможность осознать понятие как концепт. Подобный анализ называется *концептуальным* и предполагает следующие этапы, в ходе которых устанавливается: 1) как определяется понятие в

том или ином контексте; 2) что есть в онтологии, обуславливающее возможность такого его понимания; 3) что следует из подобного способа определения понятия (какое словоупотребление, языковые свойства представляющей его языковой единицы) [19, с. 18]. В отличие от семантического анализа, направленного «на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, ... концептуальный анализ предстает как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [13, с. 88].

Анализ различных подходов к пониманию концептов как единиц мышления позволяет ученым сделать вывод, что когнитивный подход базируется на положении о том, что языковые средства в конечном итоге являются отражением когнитивных структур, а «квантование» мира идей и вещей средствами языка происходит на уровне концептов [24, с. 63]. На наш взгляд, это является принципиально важным обстоятельством, которое позволяет в определенной степени реконструировать концепт через его языковое выражение. Мыслительные способности человека выделять в действительности признаки разных объектов, создавать их целостный образ, структурировать поток информации, воспринимаемой в виде различных стимулов, несомненно, обуславливают необходимость рассмотрения этих процессов с точки зрения когнитивной семантики. И прежде всего необходимо выяснить, каким образом языковые структуры отражают знания человека об окружающем мире, какими смыслами оперирует человек в процессе мышления.

Как нам представляется, в рамках настоящего исследования когнитивный подход к изучению описательных предикатов может быть реализован в двух основных направлениях: 1) в ходе анализа семантики, выражаемой ОП, под углом пропозиционального формата знаний (подпункт 2.1); и 2) в ходе интерпретации описательных предикатов как концептуальных гибридов (подпункт 2.2). Изложим наши соображения более подробно.

Следует отметить, что во всех этих случаях концептуальный анализ сочетается с дискурсивным и функционально-коммуникативным подходами, поскольку, как мы уже отмечали, языковая природа ОП и их особенности могут быть выявлены только в реальных контекстах. Данный подход с полным основанием может быть классифицирован как *когнитивно-дискурсивный* (или когнитивно-коммуникативный). Теоретические основания такого подхода разработаны Е. С. Кубряковой и ее школой. Суть когнитивно-дискурсивной парадигмы, по определению ее автора, заключается в том, что «в ней не просто признаются двумя главными функциями языка коммуникативная и когнитивная, но и преследуется цель изучать эти функции в постоянном взаимодействии и согласовании друг с другом» [14, с. 519]. При исследовании научного текста, – отмечает Т. В. Дроздова, – когнитивная составляющая указанной парадигмы позволяет «проанализировать типы знаний / информации, вербализуемые в научном тексте, и стоящие за ними ментальные единицы и структуры, в то время как дискурсивная составляющая позволяет выявить способы представления информации адресату...» [9, с. 18].

Изложим основные положения, составляющие теоретический фундамент отмеченных выше направлений изучения описательных предикатов, в ракурсе отмеченного подхода.

2.1. Как известно, в основе концептуальной системы человека лежат такие базовые концепты, как «предмет», «действие», «признак», «количество», «процесс» и др., находящие отражение в системе частей речи. Е. С. Кубрякова пишет: «Части речи как бы прокладывают своим концептуальным содержанием некие русла, по которым течет мощный поток человеческой мысли» [13, с. 5]. По общепризнанному мнению когнитологов, язык не просто отражает мир, но и «создает новые ментальные

пространства» [там же, с. 4]. Особую роль в конструировании ментальных пространств играет концепт «процесс», репрезентируемый глаголами и описательными предикатами. При этом появление последних осознается как неизбежный результат отражения когнитивного знания, так как «глагол не справляется морфологически с естественными потребностями обозначить весь существенный для человека его внутренний мир», вследствие чего непосредственно ненаблюдаемую деятельность ума или души «языковое сознание стремится запечатлеть как своего рода константы, опредмечивая глагол или прилагательное» [27, с. 143].

В рамках концепции вербоцентрической организации предложения Л. Теньера [28], активно развивающейся в современной лингвистике, глагол рассматривается как потенциальная синтагма. По мнению сторонников этой концепции, в значении глагола имплицитно присутствуют предметные имена. Так, Е. С. Кубрякова пишет: «В значении глагола явно прослеживаются следы предметности, следы связанности данного движения или действия, процесса или состояния с объектами определенных типов» [13, с. 283]. Следовательно, значение глагола невозможно рассматривать в отрыве от участников события. Это позволяет ученым говорить о том, что значение глагола фиксирует пропозициональные форматы знания, которые реализуются в определенных языковых единицах, и в первую очередь – в высказываниях.

Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, мы признаем различие высказываний как конкретных лексически определенных предложений, обладающих позиционной схемой, и предложений (точнее, структурных схем простого предложения) как типовых последовательностей словоформ, используемых для обозначения субъекта и предиката мысли [23].

Высказывания содержит в себе позиционную схему, о которой идет речь, – пропозицию. Пропозиция, согласно З. Д. Поповой, состоит из отдельных компонентов смысла – актанта и ситуанта – и отношений между ними. З. Д. Попова подчеркивает, что в пропозиции нет ни главных, ни второстепенных членов предложения, нет никакой формальной структуры. Это, – пишет автор, – «чисто смысловой концептуальный набор компонентов, который говорящий стремится вербализовать (действие, инструмент, объект действия, время, место действия и т. п.)» [23, с. 51].

В когнитивной семантике пропозиция рассматривается как способ хранения и репрезентации знаний, как ментальная структура, которая формирует каркас будущего предложения. Ученые отмечают, что пропозициональные форматы знания могут фиксироваться не только предложениями, но и другими языковыми структурами. В частности, в лекции, прочитанной слушателям Международной летней школы «Новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и культуры» (Екатеринбург, 2000), Е. С. Кубрякова привела следующие примеры свертывания пропозиции: 1) *человек пашет землю* – пропозиция репрезентирована предикативной конструкцией; 2) *пашущий человек* – пропозиция репрезентирована словосочетанием, то есть непредикативной конструкцией; 3) *землепашец* – пропозиция репрезентирована композитом (сложным словом); 4) *пахарь* (человек, который пашет землю) – пропозиция репрезентирована производным словом (цит. по: [22, с. 28]). Как видим, пропозиция может репрезентироваться как эксплицитными способами (предложением), так и имплицитными (в свернутом виде присутствовать в единицах с композиционной семантикой, то есть в производных словах).

А. М. Плотникова подчеркивает, что в значении глагола в свернутом виде содержится указание на участников ситуации [22, с. 28]. В свою очередь, это позволяет ученым определять глагол как «узел когнитивный», поскольку глаголы, «реализуя свои валентные свойства, активизируют в голове коммуникантов когнитивные о познанных ими взаимосвязях между объектами внеязыковой действительности, то есть задают параметры соответствующего кадра внеязыковой действительности» [7, с. 20].

Важное значение для понимания когнитивной природы описательных предикатов и соотношения их с однословными коррелятами имеет замечание Т. В. Шмелёвой о том, что номинация «в одних случаях ... полностью вмонтирована в лексическую семантику предиката и в синтаксисе остаётся прямо не раскрытой; в других, напротив, она оказывается синтаксически прозрачной, и это даёт ей определённые препозитивные преимущества или маркирует её стилистически» [29, с. 46]. «Пропозиция, – как справедливо полагает исследователь, – может быть обозначена не только предикатом, но и препозитивным именем (*лов, выплавка, сбор*)». Соответственно, предложения *Завод выплавляет чугуна* и *Завод производит выплавку чугуна* Т. В. Шмелёва рассматривает как разные номинативные репрезентации одной пропозиции. Об этом же пишут З. Д. Попова и И. А. Стернин, которые отмечают, что одна и та же пропозиция может быть в плане выражения передана разными способами. «Пропозиция существует в совокупности всех способов своего выражения, во множестве конкретных высказываний», – подчеркивают исследователи [23, с. 52].

При этом способ представления (структурирования) информации диктуется коммуникативными потребностями говорящего / пишущего, а также стилистическими особенностями контекста [29].

Уместно в данном случае будет еще раз вернуться к концепции информативности высказываний, предложенной Т. П. Ломтевым и частично освещенной нами выше. Анализируя семантику предложения, Т. П. Ломтев отмечает, что содержание – это структура с такими элементами, как: 1) денотат; 2) информация о денотате, которая является его интеллектуальным отражением; 3) структура этой информации. Согласно ученому, причина, по которой одному онтологическому содержанию соответствуют разные планы выражения, состоит в том, что структура предложения может отражать разные звенья содержательной его стороны – то структуру события (*Завод выплавляет чугуна*), то информацию о событии (*Чугун выплавляется заводом*), то структуру этой информации (*Завод выплавляет чугуна* и *Завод производит выплавку чугуна*) [17]. Т. В. Шмелёва подчеркивает, что «различия семантических структур в звене ‘информация’ и в звене ‘структура информации’ имеют принципиально разный характер. ... В первом случае различия касаются языкового освещения события, во втором – выбора для него способа называния, оформления в предложении» [29, с. 44]. Для обозначения рассматриваемых различий, считает исследователь, можно говорить «в первом случае о разных пропозициях, во втором же – о разных номинативных репрезентациях пропозиций» [там же].

Таким образом, в лексических значениях глаголов и соотносимых с ними описательных предикатов, являющихся репрезентантами обобщенного процессуального концепта, фиксируются пропозициональные форматы знаний, которые могут различаться способами выражения и актантажной структурой.

2.2. Обоснованное выше положение о том, что одна и та же пропозиция и одно и то же концептуальное содержание могут быть выражены как глаголом, так и описательным предикатом, тем не менее не позволяет поставить абсолютный знак равенства между значением описательного предиката и значением его односложного коррелята.

В состав ОП, помимо глагольных компонентов, входят и отглагольные имена, обозначающие действия, так называемые *nomina actionis*, поэтому осознание как сходства, так и различия в семантических, морфологических и синтаксических свойствах глаголов и соотносительных с ними ОП необходимо начинать с сопоставительного анализа глаголов и их deverбатов.

На наш взгляд, плодотворный подход к восприятию этих единиц заложен в работах Е. С. Кузьминой [15], развивающей мысли В. В. Виноградова, Г. О. Винокура,

Э. Сепира, В. Матезиуса и др. ученых, и О. К. Ирисхановой [10], рассматривающей интересующую нас проблему в когнитивном ключе.

Наиболее существенной спецификой имен действия, отмечаемой многими учеными, является «их двойственная, гибридная грамматическая природа, полуглагольная, полупредметная» [15, с. 25]. На них, как и на полнозначных глаголах, лежит печать как существительных, так и глаголов. С одной стороны, у этой группы есть все морфологические признаки субстантива. *Nomina actionis* в составе ОП имеют категорию рода, изменяются по падежам и числам. На синтаксическом уровне имена действия, подобно существительным, выступают в предложении в качестве подлежащего и дополнения, обладают способностью распространяться согласующимися и не согласующимися с ними словами (ср.: *осуществить горячее цинкование, провести исследование костного мозга*). Однако при всем внешнем морфологическом и синтаксическом сходстве с субстантивами имена действия отличаются от них в главном: они имеют отличное от категории существительных общелексическое значение. *Nomina actionis* вербализуют концепт «действие» (шире – «процесс»). Обозначая действие, они, по образному выражению Э. Сепира, «говорят голосом предмета» [26, с. 92]. Сама же их предметность, как отмечает Е. С. Кузьмина, доступна только лингвистической рефлексии [15, с. 25].

Nomina actionis вступают в синтаксические связи по глагольному образцу, чаще всего сохраняя способность управлять теми же падежными формами субстантивов (ср.: *влиять на ускорение – влияние на ускорение*) [15, с. 26]. По мнению исследователя, имена действия сохраняют даже такое синтаксическое свойство глагола, как переходность, то есть способность глагола переносить свое активно протекающее действие на прямой объект, хотя в этом случае эта способность выступает в иной форме, чем у глаголов.

К отмеченным синтаксическим глагольным свойствам *Nomina actionis* следует добавить еще одно, своеобразное и характерное только для них, – это способность присоединять к себе модифицированное подлежащее в форме родительного падежа, называемого в таких случаях родительным субъекта. Родительный субъекта, по мнению Е. С. Кузьминой, оказался возможным только благодаря гибридной природе этих существительных, так как образование словосочетаний с беспредложным родительным падежом – свойство всех существительных, а связь с субъектом – чисто глагольная функциональная особенность [15, с. 27]. Для сравнения в работе приводятся следующие примеры:

<i>осадок выпадает</i>	–	<i>выпадение осадка,</i>
<i>тело падает</i>	–	<i>падение тела,</i>
<i>температура повышается</i>	–	<i>повышение температуры.</i>

Однако исследователь отмечает, что граница между родительным объекта (*измерять длину – измерение длины*) и родительным субъекта (*тело движется – движение тела*) «в научном языке довольно зыбка, “смазана” и не всегда проводима: *измерение длины* трансформируется в словосочетание *измерять длину* и в предложение *длина измеряется*» [15, с. 27]. К этому ряду вполне уместно добавить и трансформации, включающие описательные предикаты: *проводить (осуществлять, производить) измерение длины – измерение длины проводится (осуществляется, производится)*.

При синтаксической близости к глаголу *nomina actionis* совсем лишены его морфологических свойств: у них отсутствуют категории вида, залога, наклонения, времени. «Субстантивация действия, его “опредмечивание” парализует грамматические свойства глагола», – отмечает В. В. Виноградов [3, с. 105].

В девербативе выражение конкретного действия с глагольными признаками времени, вида, залога, наклонения утрачивается и заменяется отвлеченным понятием

о действии. При этом основное отличие девербатива от глагола, по мнению Р. З. Мурясова, состоит в том, что трансформированный номен – это имя по совокупности прагматических характеристик и синтаксическим функциям и глагол по характеру выражаемого им значения. Это имена-“хамелеоны”, одновременно выражающие и абстрактную предметность, и процессуальность» [20, с. 41]. В работах Е. С. Кубряковой, Р. З. Мурясова и других ученых убедительно показано, что хотя имена действия образуются путем транспозиции (т. е. путем «перевода слова из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи» [16, с. 519]), в семантическом плане «нельзя рассматривать глагольное имя как простой “слепок” глагола» [12, с. 74]. По мнению Е. С. Кубряковой, разделяемому и нами, даже классические синтаксические дериваты «не вполне укладываются в схему изменения одного только лексического значения. ... К семантическим сдвигам могут привести любые процессы словообразования, ибо по сути своей они и созданы для возникновения новых названий, имен с отличными от уже имеющихся денотатами и сигнификатами, а следовательно, со своим собственным объемом значения» [12, с. 80].

Исходя из отмеченного, вряд ли можно согласиться с Е. С. Кузьминой, которая считает, что эквивалентами глаголов в их прямом значении выступают глагольно-именные конструкции, соотносимые с глаголами по образованию и по смыслу: *гореть – происходит горение, выделять – происходит выделение, кипеть – происходит кипение* [15, с. 33]. Очевидно, что *nomina actionis*, входящие в состав описательных предикатов, в силу своей гибридной природы обозначают не «чистые» действия, а воспринятые предметно целые ситуации или отдельные акты, и это обстоятельство распространяется на весь оборот в целом. И, безусловно, глагольный компонент *pro-исходить* в данном случае тоже не является полностью семантически опустошенным: в нем достаточно отчетливо сохраняется семантика эволютивного действия, отражающего самопроизвольный процесс, развитие [2, с. 122].

Когнитивные теории образования девербативов стали предметом специального анализа в трудах Е. С. Кубряковой [12; 13; 14], поэтому ограничимся кратким изложением основных положений, представленных в работе О. К. Ирисхановой, которые могут быть спроецированы и на изучение описательных предикатов.

Исследователь прежде всего отмечает, что с точки зрения когнитивной грамматики номинативные пары типа *explode/explosion (взрывать/взрыв)* не являются семантически идентичными: «при сходстве концептуального содержания различны пути его конструирования», из чего вытекает вывод о том, что суть языкового творчества «состоит в поиске или создании языковых единиц, выражающих качественно новые пути концептуализации объекта» [10, с. 114], в способности человека конструировать ситуацию альтернативными способами.

Отглагольное имя, наследуя концептуальную базу глагола, отличается от последнего тем, что профилирует определенную область данной базы. Подобный подход «привязывает» семантику девербатива к концептуальному содержанию глагола, сводя различие между ними к смещению фокуса на тот или иной элемент концептуальной структуры. Вместе с тем О. К. Ирисханова отмечает, что само появление в языке существительных, образованных от глаголов, а также появление описательных предикатов (уточнение наше. – *И. О.*), вызвано необходимостью создания новых языковых единиц с собственными уникальными когнитивными свойствами, которые обнаруживают себя не только на уровне концептуальной организации их значения, но и в особенности их поведения в дискурсе [10, с. 117]. Последнее представляется нам особенно важным и для изучения ОП.

Значимым для обоснования особой семантики девербативов является предложенное О. К. Ирисхановой понятие концептуальной гибридизации, под которой понимается «совмещение в одной лексической единице разных способов концептуали-

заци референта (глагольного и именного)», происходящее «в результате межкатегориального перехода “глагол → имя существительное”» [10, с. 58]. Важно, что, разрабатывая свою концепцию, автор не останавливается на простой констатации гибридной природы девербативов, как это делают Е. С. Кузьмина и Р. З. Мурясов (см. выше. – И. О.), но, применяя аппарат когнитивной семантики, добротнo его обосновывает.

О. К. Ирисханова исходит из современного понимания гибридизации как процессов скрещивания не только разнородных в наследственном отношении биологических организмов, но и «любых сущностей (конкретных или абстрактных), чье непосредственное взаимодействие в определенных условиях возможно и продуктивно, а значит, приводит к возникновению объектов с качественно новыми свойствами, способных отвечать определенным целям и выполнять определенные задачи» [10, с. 132]. Применение теории гибридизации к языковым процессам, и в частности к появлению отглагольных имен, позволяет, по мнению автора, рассматривать девербативы (а по нашему мнению, и описательные предикаты) как языковые единицы, призванные решать проблему приспособления речевого общения к меняющимся условиям коммуникации, в ходе которой разрешается вечное противоречие между конвенциональностью имеющихся языковых средств и постоянной потребностью коммуникантов к взаимной когнитивной настройке. «Будучи единицами конвенциональными и в то же самое время обладая преимуществом выхода в несколько категориальных областей, номинализации-гибриды представляют говорящим достаточно широкий “коридор” для совместной ориентации в дискурсе» [10, с. 139]. Отметим, что в реальном дискурсе такая ориентация зачастую происходит именно при вхождении девербатива в состав описательного предиката, что позволяет распространить понятие концептуальной гибридности и на ОП в целом.

Применительно к отглагольным именам гибридизация рассматривается как процесс концептуальной интеграции, при которой происходит совмещение различных путей концептуализации какого-либо фрагмента действительности. «В отглагольном имени частично повторяются разные участки широкой референтной базы, к которой восходит мотивирующий глагол», так, что обе эти единицы оказываются способными нетождественным образом отражать сходное концептуальное содержание. В определенном смысле о новом производном имени можно сказать, что в нем совмещаются глагольный и именной способ представления этого концептуального содержания» [10, с. 142]. При этом глагольный путь обеспечивает концептуализацию референтной ситуации не только через такие процессуальные концепты, как действие/состояние/изменение, но и такие, как агенс, пациенс, партиципранты, цель, результат/продукт, причина, способ, инструмент и др. Именной способ оставляет открытыми для номинализации следующие «предметные» характеристики: целостность восприятия, протяженность в пространстве, наличие границ, стабильность во времени, тождество самому себе [13].

Изложенные выше положения, характеризующие особенности девербативов, по нашему мнению, позволяют во многом понять и интерпретировать специфику описательных предикатов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*: 1) на современном этапе ОП рассматриваются как коммуникативный механизм, оптимально обеспечивающий говорящему (пишущему) решение коммуникативных задач, плодотворно изучаются в функционально-коммуникативном и когнитивном подходах; 2) когнитивную природу ОП позволяет раскрыть изучение особенностей пропозициональной структуры высказываний с ОП. Актантная структура пропозиций, реализуемая в предложениях с описательными предикатами, представляет собой самостоятельный предмет изучения и может составить перспективу дальнейших исследований; 3) на дальнейшее изучение ОП может быть спроецирована и когнитивная теория

образования девербативов, позволяющая трактовать ОП как гибридные языковые единицы, совмещающие глагольный и именной способ представления концептуального содержания.

Библиографические ссылки

1. **Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
2. **Васильева А. Н.** Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи / А. Н. Васильева. – М. : Рус. язык, 1976. – 188 с.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. – [3-е изд., испр.] / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. **Всеволодова М. В.** Описательные предикаты и их соотносительность с денотативной структурой предложения / М. В. Всеволодова // Слово. Грамматика. Речь. – М., 2001. – Вып. III. – С. 24–31.
5. **Всеволодова М. В.** Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы / М. В. Всеволодова, В. А. Кузьменкова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2003. – № 5. – С. 7–29.
6. **Всеволодова М. В.** Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума) / М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. – 176 с.
7. **Гришаева Л. И.** Глагол как узел когнитивных / Л. И. Гришаева // Филология и культура : II Междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. : тезисы докл. : в 3-х ч. / [отв. ред. Н. Н. Болдырев]. – Тамбов, 1999. – С. 19–21.
8. **Дидковская В. Г.** Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных словосочетаний) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В. Г. Дидковская. – СПб, 2000. – 38 с.
9. **Дроздова Т. В.** Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты) : монография / Т. В. Дроздова. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. – 224 с.
10. **Ирисханова О. К.** О лингвокреативной деятельности человека : отглагольные имена / О. К. Ирисханова. – М. : Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.
11. **Канза Р.** Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Р. Канза. – М., 1991. – 20 с.
12. **Кубрякова Е. С.** Части речи в ономазиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
13. **Кубрякова Е. С.** Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 327 с.
14. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
15. **Кузьмина Е. С.** Синтагматика научного текста / Е. С. Кузьмина. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1986. – 120 с.
16. **Лингвистический энциклопедический словарь** / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
17. **Ломтев Т. П.** Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 200 с.
18. **Ломтев Т. П.** Структура предложения и состав предикатных предметов / Т. П. Ломтев // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – С. 201–207.
19. **Макович Г. В.** Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке / Г. В. Макович. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – 148 с.

20. **Мурясов Р. З.** Словообразование и теория номинализации / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39–58.
21. **Мухин А. М.** Валентность и сочетаемость глаголов / А. М. Мухин / Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 52–64.
22. **Острецова И. В.** Место глагольно-именных сочетаний в системе русского языка / И. В. Острецова // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – 2006. – Вип. 12. – № 4. – С. 168–175.
23. **Плотникова А. М.** Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) : учеб пособие / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 140 с.
24. **Попова З. Д.** Семантико-когнитивный анализ языка : монография. – [2-е изд., перераб. и доп.] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. – 252 с.
25. **Попова Т. Г.** Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале англ., нем. и рус. языков) : монография / Т. Г. Попова. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 146 с.
26. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике : в 4-х т. / А. А. Потебня. – Т. IV. – Вып. 2. Глагол. – М. : Просвещение, 1977. – 406 с.
27. **Сепир Э.** Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир ; пер. с англ. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1934. – 243 с. (Периздано в: **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии ; пер. с англ. – М.: «Прогресс», «Универс», 1993. – 655 с.).
28. **Телия В. Н.** Типы языковых значений : связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
29. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с франц. вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
30. **Шмелева Т. В.** Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева / Т. В. Шмелева // Филологические науки. – 1983. – № 3. – С. 42–48.

Надійшла до редколегії 12.02.10

УДК 811.111'25

Е. И. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЮМОР КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Розглянуто проблеми, пов'язані з перекладом ряду жанрів гумористичного дискурсу.

Ключові слова: *гумористичний дискурс, велеризм, симулякр, псевдопереклад.*

Рассмотрены проблемы, связанные с переводом ряда жанров юмористического дискурса.

Ключевые слова: *юмористический дискурс, веллеризм, симулякр, псевдоперевод.*

The article deals with the problems connected with the translation of a number of genres of humour discourse.

Key words: *humour discourse, wellerism, simulacra, pseudotranslation.*

В данной статье в общем виде ставится проблема перевода такого особого типа дискурса, как дискурс юмористический. Нам представляется, что эта проблема находится в русле актуальных лингвистических исследований, поскольку юмористические тексты широко используются в различных жанрово-стилевых построениях и представляют собой сложную переводческую проблему.

Для всех национальных культур характерен особый юмор, особое понятие о смешном. «Индивидуальная концептуализация сущностей является одним из приемов создания юмористического эффекта», – отмечает В. И. Карасик [1, с. 331].